УДК 101:316

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Старостин В.П.

ФГБОУ ВПО «Якутская государственная сельскохозяйственная академия», Якутск, e-mail: starost@list.ru

Автор в своей статье продолжает анализ происхождения морали в человеческом сознании. В данной статье он доказывает возможность возникновения моральных устоев как регуляторов общественных отношений из мифа. Автор высоко оценивает роль альтруистического поведения в формировании нравственных норм общества. Вместе с тем неоспоримым является и ведущая роль мифа в формировании морального сознания. Роль трикстера – мифологического нравственного героя – рассматривается автором как необходимая часть социального взаимодействия архаического общества. Трикстерное поведение, которое рассматривается на примере одного из архаических персонажей якутской мифологии, выступало символическим актом выбора определенного типа морального поступка. В бесконечном повторении из различного ряда действий выбиралось то, что впоследствии становилось нравственным принципом и императивом. Мораль необходима обществу, но чрезвычайно сложна в объективизации и реконструкции. Поэтому и распознание происходит на более высоком уровне социально-исторического обобщения и теоретической абстракции.

Ключевые слова: моральное сознание, происхождение морали, духовные ценности, трикстер

TO THE PROBLEM OF FORMATION OF MORAL CONSCIOUSNESS

Starostin V.P.

Yakut state agricultural academy, Yakutsk, e-mail: starost@list.ru

The author continues in the article the analysis of an origin of morals in human consciousness. In this article it proves possibility of moral foundations as regulators of the public relations from the mythological. The author highly appreciates a role of altruistic behavior in formation of ethical standards of society. At the same time, the leading role of the myth in formation of moral consciousness is indisputable also. The role of a trikster – the mythological moral hero is considered by the author as necessary part of social interaction of archaic society. Triksternoye the behavior which is considered on the example of one of archaic characters of the Yakut mythology, acted as the symbolical act of a choice of a certain type of a moral act. In infinite repetition that became subsequently the moral principle and an imperative got out of a various number of actions. The morals are necessary for society, but are extremely difficult in an objektivization and reconstruction. Therefore also recognition happens at higher level of sociohistorical generalization and theoretical abstraction.

Keywords: moral consciousness, morals origin, cultural wealth, trikster

Вопрос о том, когда и как возникла мораль, каковы были первые элементы нравственности, интересует философов давно. Практически ни одна более или менее стройная философская система не обошла эту проблематику, так как решение данного вопроса является краеугольным камнем в понимании сущности морального сознания вообще. Мораль воспринимается нами не просто как свод норм и ценностей, которые утверждаются и культивируются данным обществом. Мораль всегда имеет компонент активности своей сущности. Она требует не только постулировать определенные устои, но и практически претворять утверждаемые моральные идеалы: вести нравственную жизнь, что всегда означает неустанный поиск морально-нравственных ориентиров бытия, отстаивание своей жизненной позиции, наполнение его светом и смыслом. Без такого ценностного и мировоззренческого наполнения жизнь человека в обществе становится похожей на заранее заведенный механизм, на уже сверстанную программу. Ценность нравственных поисков обостряет чувство жизни, придает человеку особую полноту бытия. Только в этих исканиях человек может обрести моральную свободу и гармонию.

Таким образом, нравственная свобода человека – не просто набор требований и предписаний, по которым надо поступать, не просто выбор различных вариантов поведения, а превращение моральных принципов в собственные убеждения и добровольное, бескорыстное следование им. В предыдущих статьях нами были даны различные точки зрения на данный вопрос. В настоящее время выдвигаются все новые научные гипотезы об опосредовании моральных устоев как социальными, так и биологическими факторами. Не будем оспаривать возможность исследователя давать спорные, на первый взгляд, догадки.

Вместе с тем никто не отрицает возможности возникновения морали из мифа. Мифологическое сознание, являясь первой формой человеческого сознания, естественным образом оказалось основой и морального сознания. Именно в мифах мы встречаем первые попытки предоставления героям права на выбор. Именно в мифах определяется четкая позиция героя в отношении добра и зла. Каждый герой дела-

ет выбор исходя из наличного психологического, внутриличностного и социально обусловленного потенциала.

Однако, проводя детальный анализ мифологии, которая формируется на этапе господства архаического сознания, мы видим, что поступки героев пока еще не могут быть оценены как злые или добрые. Вернее, злонамеренные или добродетельные; то есть конечная цель пока еще не совсем ясна и не очевидна. Одним примеров такого рода мифов является якутское сказание о Мэник-Мэнигийээн («Шалун-шалунишка»). Его поступки порой бывают настолько неожиданными и с моральной точки зрения совершенно непонятными, что зачастую данный герой и вовсе не воспринимается как нравственный герой, поступки которого достойны подражания. Например, он «убивает свою мать, собаку, корову, приняв их за зверей. Посылают его к старшей сестре за одеждой покойной матери; шалун в пути убивает своего коня, содрав кожу с его ноги за то, что он не хотел лезть в воду. Пришел к сестре. Она дает ему подержать ребенка. Мэник Мэнигийээн выдавливает ему мозги, думая, что это чирий» [5, с. 76].

Действительно, некоторые поступки данного героя можно назвать не только неожиданными, а аморальными, выходящими за рамки нравственности, например, Мэник-Мэнигийээн в одном из рассказов пытается сварить и съесть своих бабушку и дедушку. Совершенно непонятная с современной точки зрения поступок нашего героя, становится вполне ясным, если представить древнюю архаичную реальность, в которой она формировалась. Запрет каннибализма, инцеста, братоубийства не являлись для первых людей изначально самоочевидными моральными принципами. Они формировались в течение многих веков и тысячелетий, много раз видоизменяясь, реформируясь и модернизируясь. Новые поколения людей часто ломали устоявшиеся представления и на свет появлялись иные интерпретации одних и тех же явлений. Современные нравственные представления не могут быть приложимы к смыслу архаических мифов.

Поведение Мэник-Мэнигийээн является трикстерным, что доказывает его архаическое происхождение: он часто поступает не только непредсказуемо, но и противоречиво и нарочито безнравственно. Размыты все границы мыслимого и немыслимого; даже его одежда не является строго определенной – мужской или женской: то он предстает в своей одежде, то надевает одежду сестры или матери. Неопределенность половая и возрастная, статусная и ролевая, реальная и придуманная, совмещённость потустороннего и посюстороннего – все это есть признаки трикстерности образа. Вместе с тем Мэник-Мэнигийээн является героем скорее положительным, чем отрицательным. Его поступки, несмотря на противоположность действий, лишь в конце приводят к победе добрых сил. Как Мефистофель: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»… «Часть силы той, что без числа… Творит добро, всему желая добра» [1].

Моральное мировоззрение и моральное мироощущение начали свое формирование в границах архаического мифологического сознания. Притом следует подчеркнуть и следующий парадоксальный факт: различные типы морального сознания часто сопровождаются совершенно одинаковыми, схожими мифологическими системами. Их сосуществование не означает, что не было тенденции обособления мифа от морали. Миф как первая форма мышления, форма постижения мира и его образно-символическое объяснение и воспроизведение претендует на нормативность своих предписаний. Миф упорядочивает и постулирует профанический мир, очеловечивая и узаконивая его. Тут не существует противоположения субъекта и объекта, поэтому мир становится понятным и объяснимым; миф, таким образом, предоставляет человеку невиданные дотоле силы для постижения и познания окружающего мира.

Но у мифа в строгом смысле слова отсутствует функция объяснительная. Поэтому и система ценностных координат представляет собой компас без указания сторон света. Поэтому не следует ни в коем случае пытаться наложить мир мифологический на мир современный и наделять моралью мифов дела насущные. Поэтому философия мифа сама по себе представляется теорией проблематичной: философия сама рождается как опровержение и ниспровержение мифа.

Вместе с тем социально-мифологические построения пытались отвечать самым сокровенным чаяниям людей, уравнивая их и удовлетворяя все возрастающие потребности общества. Вот почему столь живуч феномен мифологического: он упрощает события и факты, снимает социальные и культурные противоречия (скорее, не снимая, как бы «размазывает» их границы). Не случайно философские системы изначально выстраивались на базисе мифологий, преодолевая замкнутость мира древнего человека, выводя его из хаоса в космос. Правда, как справедливо отмечал А.Ф. Лосев: «Надо отдавать себе ясный отчет, что всякий миф есть символ, но не всякий символ есть миф» [3, с. 174].

Если хаос – первопричина, то Космос становится началом творчества, творчества как художественного, так и преднаучного, философического. Конечно, для человека ни Хаос, ни Космос непостижимы, человек может разве что приобщиться, притронуться к этим тайнам Вселенной, попытаться прочувствовать их, осознать глубину и подлинность мироздания. Это сопряжение чувственно-природного, с одной стороны, и воображаемо-мысленного, с другой, зарождает зачатки морально-нравственного, которое выходит за рамки практического и прагматического.

В.С. Соловьев пишет: «Хаос есть отрицательная беспредельность, зияющая бездна всякого безумия и безобразия, демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного – вот глубочайшая сущность мировой души и основа всякого мироздания… Жизнь и красота в природе – это борьба и торжество света над тьмою, но этим необходимо предполагается, что тьма есть действительная сила. И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена в торжестве мировой гармонии: достаточно, чтобы светлое начало овладело ею, подчинило ее себе, до известной степени воплотилось в ней, ограничивая, но не упраздняя ее свободу и противоборство. Так безбрежное море в своем бурном волнении прекрасно, как… гигантского порыва стихийных сил, введенных, однако, в незыблемые пределы, не могущие расторгнуть общей связи мироздания и нарушить его строя, а только наполняющих его движением, блеском и громом» [2, с. 211].

Таковым и является сущность мифологического: постоянно вторгаясь в жизнь человека, будоража его сознание различными возможностями и инвариантами поведения, ведет его пытливое сознание к нравственному порядку. При этом, постоянно возвращаясь к исходному, повторяясь, миф не уничтожает, а наоборот, вновь и вновь реконструирует и воссоздает старое, казалось бы, давно забытое и истлевшее, как бы боясь, что люди запамятуют уроки и повторят свои ошибки. Это и есть необходимое условие для мирового равновесия: зло, как и добро, находится в самой сути человеческого, в его природном начале. Миф не только мечта о чудесном и недостижимом, но и глубокая память человечества, его мораль.

Вышеприведенный пример доказывает существование в якутском архаическом сознании первых форм, зачатков моральных заповедей. «В якутской мировоззренческой системе помимо обилия мифологических мотивов, образов героев-одиночек, достаточно сильны устойчивые понятия и нормы нравственности, вытекающие из сложившихся традиций народно-религиозной и положительной мудрости», – считает современный исследователь, философ К.Д. Уткин [4, с. 200]. Изучение самого древнего пласта якутской мифологии может дать ответ на многие вопросы о происхождении морали в архаическом сознании.

Основная функция мифа – ценностная, которая отвечает, прежде всего, на аксиологические потребности древнего общества. Миф выражает ценностные приоритеты людей. Но в первоначальном виде, в ее древнейшем архетипе сохранил духовные искания человека и выступал объединяющим синкретическим началом, дающим им надежду. Свобода выбора, истинное нравственное чувство будут следующим этапом становления человеческого сознания, которое пока блуждает в закоулках архаического мифа.

Список литературы

1. Гете И.В. Фауст. Пер. Б. Пастернака. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 396 с.

2. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – М.: Прогресс, 1990. – 719 с.

3. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Госиздат, 1927. – 205 с.

4. Уткин К.Д. Предфилософия Олонхо: антитеза натурализма супранатурализму. – Якутск: ИЦ «Октаэдр», 2009. – 219 с.

5. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 404 с.

References

1. Gete I.V. Faust. Per. B. Pasternaka. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury, 1960. 396 p.

2. Losev A.F. Vladimir Solovev i ego vremya. M.: Progress, 1990. 719 p.

3. Losev A.F. Filosofiya imeni. M.: Gosizdat, 1927. 205 p.

4. Utkin K.D. Predfilosofiya Olonkho: antiteza naturalizma supranaturalizmu. Yakutsk: ITs «Oktaedr», 2009. 219 p.

5. Ergis G.U. Ocherki po yakutskomu folklore. M.: Nauka, 1974. –404 p.

Рецензенты:

Михайлов В.Д., д.филос.н., профессор, ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск;

Уткин К.Д., д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Якутская государственная сельскохозяйственная академия», г. Якутск.

Работа поступила в редакцию 08.05.2013.